

Глава 1. Объект «Молчание»: Регламент неизвестности

В Москве стояла душная, липкая осень 1989-го. В высоких кабинетах на Старой площади пахло казенным табаком, мастикой для паркета и давно остывшим чаем. Полковник Савельев из 12-го Главного управления Министерства обороны сидел в своем кресле, тупо глядя на лист серо-желтой бумаги, который словно жег ему пальцы. Перед ним лежал последний рапорт из «Степногорска-16», пришедший ровно четыре дня назад.

— «Субстрат номер девять... деактивация... ноль процентов»... — Савельев в сотый раз перечитал строчку и потер воспаленные глаза. Он посмотрел на дежурного офицера связи, который переминался с ноги на ногу у двери. — Капитан, ты мне можешь по-русски объяснить, что это за херня? Что они там деактивировали в своем «ящике»?

Капитан, вытянувшись во фрунт, пожал плечами:

— Товарищ полковник, согласно реестру объекта «402», это плановые работы по очистке технических стоков НИИ. Какой-то бытовой реагент, шлам. В официальных спецификациях, которые нам спустили полгода назад, он проходит как «безопасный состав для деструкции органических отложений». Больше данных нет — гриф секретности по этой теме выше моих полномочий. Информации ноль.

— Безопасный, говоришь? — Савельев швырнул папку на стол так, что подпрыгнул тяжелый прибор с карандашами. — У меня закрытый объект с населением в тридцать тысяч человек молчит четверо суток. Прямая линия связи — мертвая. Телетайп выдает бессвязную кашу из знаков, будто там обезьяна за аппаратом сидит. Радиоэфир в том квадрате забит таким «белым шумом», что наши локаторы слепнут. И ты мне втираешь про очистку унитазов?

Савельев не был специалистом. Он был функционером высшего звена. Его учили работать с регламентами, планами и сводками. В его мире «ноль процентов» в графе «активность» означало, что работа закончена, угрозы нет и объект чист. Но тишина, навалившаяся со стороны степи, пугала больше, чем самый отчаянный сигнал бедствия. Если город кричит — значит, он жив. Если он молчит четыре дня — значит, там происходит что-то, что не укладывается в инструкции.

— Вызывай курьера, — Савельев схватил трубку внутреннего телефона. — Пусть трясут архивы спецстроя. Мне нужно знать, кто там последний раз подписывал акты приема коммуникаций. Если этот лаборант Петров просто вылил в трубу какую-то дрянь, из-за которой у нас легла связь на стратегическом узле — я его лично под трибунал пушу. А если не Петров, то тех, кто ему этот «реагент» выписал.

Полковник не понимал, что за сухими цифрами в рапорте может скрываться ошибка, которую бюрократия просто не в состоянии переварить. Для Москвы это был досадный сбой в отчетности, требующий «уточнения на месте». Никто в этих коридорах не хотел верить, что за бумажкой с печатью может стоять нечто, не поддающееся контролю.

— Понимаете, товарищ полковник, — осторожно начал капитан, — по документам там всё стерильно. Проверка была месяц назад. Комиссия из министерства подписала все акты без замечаний. Если там авария, то она... невозможна по регламенту.

— Регламент у него, — огрызнулся Савельев. — В регламенте не написано, почему радиостанция объекта выдает в эфир ритмичный гул, похожий на дыхание. В регламенте не написано, почему почтовый самолет вчера не смог сесть, потому что пилот доложил о «непроглядном рыжем тумане» прямо над взлетной полосой, хотя метеослужба давала ясное небо.

Савельев снова взглянул на рапорт. Бумага была сухой, официальной, мертвой. Но за ней чувствовалась пустота. Бюрократическая машина буксовала: никто на Старой площади не хотел брать на себя ответственность за объявление чрезвычайного положения из-за «реагента для стоков». Все ждали, что связь восстановится сама собой, что это просто сезонный сбой или халатность связистов на месте.

— Четыре дня... — прошептал Савельев. — Четыре дня они не едят, не звонят, не шлют отчеты по нормам выработки.

Он наконец нажал кнопку селектора, принимая решение, которое могло стоить ему погон.

— Капитан, пиши приказ. Сводной группе спецконтроля «Зенит» выдвинуться к объекту «402» по высшей категории готовности. Использовать ОЗК четвертой степени защиты — на всякий случай, если там действительно химия пошла. Задача: разведка внешнего периметра и восстановление связи с комендатурой. При обнаружении любых признаков нештатной ситуации — оцепить район. Никого не выпускать, пока не разберемся, что за кашу они там заварили. Срок исполнения — немедленно. Срок доклада — каждые два часа с момента пересечения границы зоны «Б».

Савельев откинулся на спинку кресла. Он еще верил в силу приказов и плотность защитных костюмов. Москва всё еще верила в отчеты, где «ноль процентов» означало безопасность. Но где-то глубоко внутри у полковника шевельнулось недоброе предчувствие: город не просто замолчал. Город выпал из их реальности.

— И приготовьте вертолет для меня, — добавил он, когда капитан уже был в дверях. — Если «Зенит» не выйдет на связь через шесть часов после входа в зону — я лично полечу смотреть на этот «безопасный реагент».

Глава 2. Ранг «Зеро»

Генерал-полковник Варенников не кричал. Он обладал той редкой степенью бешенства, при которой голос становится тихим и сухим, как шелест скальпеля по коже. Савельев стоял перед массивным столом из карельской березы, чувствуя, как воротник кителя медленно превращается в удавку.

— Полковник, вы понимаете, что принесли мне в клювике? — Варенников едва коснулся пальцем красной папки с рапортом. — Вы пишете: «сбой связи», «вероятная халатность», «проблемы с реагентом». Вы четыре дня жевали бумагу в своем кабинете, пока объект «402» прекращал свое существование в физическом смысле.

— Товарищ генерал-полковник, регламент требовал подтверждения... — начал было Савельев, но Варенников поднял руку, и слова застряли в горле.

— Регламент? Плевал я на ваш регламент. Теперь слушайте сюда, Савельев. То, чего вы не знали, потому что ваш уровень допуска — это ковыряние в накладных на хлорку. Ваша группа «Зенит», которую вы так бравурно отправили на «разведку», перестала существовать тридцать минут назад. Весь состав. Пятнадцать человек и два БТР-80. Генерал нажал кнопку на пульте, и из динамиков, скрытых в дубовых панелях, вырвался хрип. Это была запись радиообмена группы на подходе к внешнему периметру. Сквозь треск и гул, напоминающий свист ветра в пустой трубе, пробился голос командира группы:

— «Центр, это Зенит! Входим в зону "Б". Вижу... вижу странное марево. Рыжий туман, плотность зашкаливает. Шлагбаум на КПП... его нет. Просто ржавая куча на земле.

Прием... Подождите... Что с машиной?! Центр, у нас правый борт проседает! Колеса... колеса лопаются! Резина горит, пахнет хлором! Выходим из машин, переходим на...» Запись прервалась диким, захлебывающимся криком. А потом в эфире воцарилась тишина, которую через секунду сменил странный звук — ритмичное, тяжелое чавканье, перемежающееся металлическим скрежетом.

— Они не успели даже сойти на грунт, Савельев, — тихо произнес генерал. — БТРы буквально осели на оси за сорок секунд. Резину съело в пыль, металл дисков превратился в труху. А когда открылись люки...

Варенников нажал другую кнопку, и на белом экране возник зернистый снимок, сделанный разведывательным самолетом. На бетонке у КПП замерли два бесформенных скелета техники. Рядом лежали пятна, которые еще недавно были бойцами в спецкостюмах. Но это не были тела — это были пустые оболочки из ОЗК, внутри которых не осталось ничего, кроме рыжеватого киселя.

— А теперь послушайте это, — генерал включил еще одну запись. — Это перехват с гражданского почтового борта Ан-2. Он шел на Степногорск вчера, еще до вашего «Зенита».

Из динамиков донесся голос пилота, сорванный на визг:

— «Земля, что у вас с воздухом?! Мы... мы таем! Остекление плывет! Оно... оно шевелится! Мама... оно лезет в кабину через вентиляцию! Оно жрет крыло! Крыло рассыпается!»

Запись оборвалась резким звуком, похожим на хруст ломаемых сучьев.

— Самолет был съеден прямо в воздухе, Савельев. Вместе с пилотами. И съело его не пламя, а то, что вы в своем отчете называете «безопасным реагентом». Этот «ноль процентов» активировал систему, о которой мы не имеем ни малейшего представления. Старики, строившие сорок второй, оставили нам не НИИ, а мину замедленного действия, которая сейчас детонирует.

Генерал встал и подошел к Савельеву вплотную. Глаза Варенникова были круглыми — не от страха, а от осознания того, что бюрократическая машина только что проиграла войну чему-то, что даже не является живым в обычном понимании.

— Вы вылетаете через час. Лично. Полетите на спецборту с герметизацией по высшему классу. Ваша задача — не «восстанавливать связь». Ваша задача — добраться до точки и понять, как это выключить, пока это рыжее облако не поднялось в стратосферу. Если вы не справитесь — я отдам приказ на термобарический удар по всему квадрату. С городом, с НИИ и с вами. Свободны.

Савельев вышел из кабинета, пошатываясь. В коридоре он увидел курьера, который нес очередную сводку, но полковник прошел мимо, не глядя. Он понял: в Степногорске-16 больше нет регламентов. Там остался только голодный, пульсирующий город, который сожрал самолет в небе и группу спецназа на земле, и теперь ждет добавки.

Глава 3. Операция «Периметр»

Степь под Целиноградом содрогнулась от лязга гусениц и надрывного рева дизелей. Такого количества техники эти края не видели десятилетиями. Колонны шли под глухими тентами, без знаков различия, с замазанными бортовыми номерами. Полторы

тысячи человек — сводный контингент химвойск и инженерных частей — разворачивали «локализацию» в режиме полной радиотишины.

В окрестных поселках люди выходили на обочины, испуганно прикрывая глаза от поднятой пыли. Старики крестились, глядя на бесконечные ряды грузовиков с маркировкой «Опасно».

— Опять на полигоне что-то рвануло? — шептались в очередях.

Но военные не отвечали. Они выставляли блокпосты через каждые пятьсот метров, перерезая дороги колючей проволокой и бетонными блоками. Солдаты в новеньких ОЗК испуганно поглядывали в сторону Степногорска-16, над которым висело неподвижное рыжее марево.

Савельев наблюдал за разворачиванием из штабного КУНГа. Его трясло. Перед ним на столе лежала карта, на которой красным карандашом был обведен сектор «Зеро».

— Товарищ полковник, первый эшелон оцепления зафиксирован, — доложил начштаба операции, подполковник Громов. — Но есть проблема. Местные из совхоза видели, как их скот у границы зоны просто упал. А потом тракторист прибежал — орал, что лемех его плуга рассыпался в труху, когда он пытался отчистить его от ржавой пыли.

Савельев молча кивнул. Он уже понял алгоритм этой дряни. Никакого разума, никакой тактики. Просто простейшая механика: жрать, плодиться, заражать. Снова жрать. Ей было плевать на чины, ей нужен был только металл и органика. Система работала как конвейер, перерабатывая всё, до чего могла дотянуться.

— Технику к черте ближе чем на три километра не подгонять, — хрипло приказал он.

— Патрулям — только в изолирующих противогазах. Если у кого-то на костюме появится рыжее пятно — сжигать всё на месте.

В этот момент в КУНГ вбежал радист, бледный как полотно.

— Товарищ полковник! Поймали сигнал с объекта!

Савельев схватил наушники. Сначала был только треск, а потом сквозь него пробился резкий, зацикленный звук. Это не был голос. Это была автоматическая запись тревоги, которая крутилась по кругу на узле связи. Старый речевой информатор, запертый в бесконечной петле, выдавал в эфир сухой механический приговор:

— «Внимание... Аварийный сброс... Магистраль... Разрыв... Сектор четыре... Внимание...»

Запись прерывалась треском и жутким скрежетом, будто микрофон засыпали песком. Это был голос мертвого города. Автоматика продолжала орать о разрыве магистрали, хотя самой магистрали, скорее всего, уже не существовало — она стала частью чего-то другого.

— Она просто идет по трубам, — прошептал Громов, глядя на карту. — Как по рельсам. Ей нужно расширяться.

Савельев сорвал наушники.

— Полторы тысячи человек... — прошептал он. — Мы стоим на пути у машины, которая не умеет тормозить. Громов, передайте в Центр: нам нужны огнеметы. Если этот процесс выйдет за периметр и зацепится за магистральные трубопроводы области — мы не остановим это никогда.

На горизонте, там, где замер Степногорск-16, снова полыхнуло. Это догорал очередной трансформатор, который система «употребила» в ходе своего бесконечного цикла. Операция «Периметр» началась, но полторы тысячи солдат еще не знали, что они стоят на краю зоны, где привычные законы химии больше не работают. Есть

только три действия: жрать, плодиться, заражать. И запись тревоги, продолжающая кричать в пустоту.

Глава 4. Спасительный дождь

Небо над степью, до этого напоминавшее застывшее оранжевое стекло, начало стремительно тяжелеть. Со стороны Алатау потянуло влажным, холодным фронтом. Громов первым заметил это, когда на лобовое стекло штабного КУНГа упала тяжелая, темная капля.

— Пошел, товарищ полковник... — выдохнул он, не веря своим глазам. — Дождь. Савельев выскочил на подножку. Сначала это были редкие удары по металлу крыши, но уже через минуту небо разверзлось настоящим ливнем. Стена воды обрушилась на раскаленную, пропитанную химией землю так, будто кто-то сверху решил принудительно смыть этот кошмар.

— Всем подразделениям! — заорал Савельев в рацию. — Наблюдать за зоной! Что с маревом?!

В наушниках сквозь шум воды прорвался голос командира передового дозора:

— «Центр, это Первый! Рыжий туман... он оседает! Его буквально вбивает в землю! Видимость улучшается, взвесь в воздухе пропадает!»

Савельев схватил бинокль. Ливень делал то, что не смогли сделать полторы тысячи человек. Тяжелые капли связывали частицы в воздухе, превращая летучую отраву в вязкий шлам. Рыжее облако, которое грозило подняться в стратосферу, теперь позорно стекало в низины бурными потоками. Это был шанс. Тот самый второй шанс, который бюрократия не заслужила, но получила от самой природы.

— Смотрите на асфальт, — Громов ткнул пальцем в сторону трассы.

Там, где вода смешивалась с осевшей пылью, начиналась реакция. Почва за пределами КПП зашипела, повалил густой пар. Дождь разбавлял концентрацию, лишая механизм его главной силы — летучести. Без сухой среды и возможности распространяться по воздуху, процесс захлебывался, превращаясь в обычную грязь.

— Всем службам дегазации! — Савельев отдавал приказы с ледяной уверенностью. — Входить в зону сразу за ливнем! Смывать остатки шлама в бетонные коллекторы! Огнеметчикам — залить все очаги в радиусе километра от КПП, пока оно прибито к земле!

Радиостанция в углу, которая до этого крутила запись тревоги, вдруг замолчала. А потом, сквозь шум дождя, выдала чистый сигнал автоматики. Речевой информатор на узле связи объекта, очистившись от налипшей ржавой пыли, пытался вернуться в штатный режим, продолжая монотонно бубнить про разрыв магистрали.

— Оно затихает, — прошептал Громов. — Механизм встал. Ему нужна сухая среда, чтобы плодиться в воздухе.

Савельев смотрел, как потоки воды уносят рыжую муть в глубокие овраги. Он понимал, что это не победа, а лишь передышка. Город внутри всё еще был мертв, а трубы теплосетей всё еще были забиты тем, что нельзя называть вслух. Но небо дало им время подойти к «ящику» вплотную.

— Громов, готовьте разведгруппу. Пойдем внутрь, пока дождь держит периметр.

Никаких штурмов, только визуальный осмотр и замер фона. Посмотрим, что там осталось от первого корпуса. Передайте в Центр: «Операция продолжается. Мареву локализовано осадками. Начинаем разведку сектора "Зеро"».

Полковник подставил лицо под холодные струи. Дождь смывал пыль с его погон, но он знал: настоящий кошмар начнется тогда, когда разведка пересечет черту города и увидит то, что ливень смыть не в силах.

Глава 5. Руины прогресса

Ливень не утихал. Напротив, небо над Степногорском-16 окончательно почернело, обрушивая на город тонны воды. Группа разведки на двух герметичных БРДМ-2 медленно пересекла черту КПП и поползла вглубь застройки. Савельев сидел в головной машине, прильнув к триплексу, через который едва просматривались очертания зданий.

То, что он видел сквозь пелену дождя, вызывало удушливый, животный ужас. Это был не просто город после катастрофы — это был труп, который продолжали объедать. Память о Чернобыле и взорванном четвертом энергоблоке, с момента которого прошло всего три с половиной года, еще жгла подкорку: там был невидимый враг, радиация, но здания стояли целыми. Здесь же сама материя города сходилась с ума. — Господи помилуй... — прошептал мехвод, и Савельев услышал, как у парня отчетливо стучат зубы о микрофон ларингофона.

Пятиэтажки, триумф советского домостроения, выглядели так, будто их жевали гигантские челюсти. Прямо на глазах у разведчиков целый балконный пролет отслоился от стены и бесшумно, как мокрый картон, сполз вниз, превращаясь в серую жижу под струями ливня. Кое-где из пустых глазниц окон свешивались лохмотья занавесок, но самих оконных рам не было — пластик и дерево «съело» в первую очередь.

Впереди, наполовину перегородив проспект, замерла колонна «ПАЗиков». На них четыре дня назад пытались эвакуировать сотрудников НИИ. То, что от них осталось, напоминало выпотрошенные рыбы хребты. Остекление вытекло мутными лужами, а стальные каркасы осели, сложившись под собственным весом. Но страшнее всего было то, что виднелось внутри салонов. На поручнях висели пустые казенные халаты и гражданские пальто. Никаких скелетов. Система работала чисто: она высасывала кальций из костей и железо из крови быстрее, чем плоть успевала начать гнить.

Вместо людей на сиденьях остались лишь плотные, сероватые коконы — спрессованная органика, которую механизм еще не успел «допить».

— Скорость пять километров в час, — хрипло приказал Савельев, чувствуя, как внутри всё сжимается. — К зданиям не приближаться.

Они ползли по центральному проспекту, мимо универсама, где на крыльце замерли остовы торговых тележек — кучки рыжей трухи на щербатом бетоне. Асфальт над теплотрассами провалился ровными траншеями, заполненными кипящей рыжей пеной. Вдруг из-за угла выкатилась полая оболочка «Волги». Ветер толкал её, как пустую консервную банку. Когда она врезалась в борт БРДМ, она не ударилась — она бесшумно рассыпалась в облако ржавой муки.

В этот момент головная машина дернулась и со скрежетом заглохла.

— Двигатель... всё, — мехвод забился в кресле в настоящей истерике. — Полковник, она нас ест! Прямо сейчас!

Савельев посмотрел на свои руки. На металлической пуговице кителя сидела тонкая медная нить. Она не боялась воды — влага ливня только ускоряла процесс. Пуговица на глазах тускнела и превращалась в пыль. Савельев опустил взгляд на колесо

машины: тяжелый стальной диск становился пористым, как пемза. Ливень вымывал из него углерод, превращая броню в труху.

— Всем назад! Выходим! Живо! — заорал Савельев, понимая, что еще минута — и люки заклинит в раскисшем металле.

Разведчики попрыгали в рыжую жижу, которая по консистенции напоминала кисель. Мехвод остушился и упал на ладони.

— А-а-а! Жжет! — закричал он. На ладонях его резиновых перчаток зияли дыры.

Химзащита пасовала. Металл часов на его запястье вспыхнул тусклым зеленым светом и буквально испарился, оставив на руке черный ожог.

Разведгруппа застряла в самом центре мертвых руин. Вокруг стоял сплошной рев ливня, прерываемый только грохотом рушащихся перекрытий и захлебывающимся воем автоматической тревоги из глубины города. Савельев стоял по щиколотку в каше, которая еще вчера была гордостью советского автопрома, а под ногами хрустели пуговицы, пряжки и оправы очков — всё, что осталось от тех, кто не успел добежать до КПП. Ужас был в том, что механизм не имел ни лица, ни голоса — только бесконечный цикл: жрать, плодиться, заражать. И теперь они были следующими в очереди.

Глава 6. Протокол изъятия

— Лейтенант, пробы! Живо! — Савельев сорвал голос, пытаясь перекрыть рев ливня и скрежет разваливающегося неподалеку здания.

Громов, тяжело дыша через фильтры противогаза, рванул к ближайшему «кокону», застрявшему в дверном проеме осевшего «ПАЗика». В руках он сжимал титановый контейнер — единственное, что еще не превратилось в труху, так как титан этот механизм переваривал неохотно и медленно. Громов дрожащими пальцами вогнал заборный щуп в серую, пористую массу, которая еще четыре дня назад была человеком.

Контейнер зашипел. Рыжий шлам, попав внутрь, начал яростно биться о стенки, пытаясь найти слабое место в металле.

— Есть первая! — крикнул Громов. — Забираю грунт и образец обшивки БРДМ!

Савельев в это время наблюдал, как их вторая машина медленно, со стоном, уходит в асфальт. Колеса растворились наполовину, обнажая осевые валы, которые покрывались рыжим «мхом» прямо на глазах. Дождь больше не спасал — он служил идеальным проводником. Каждая капля несла в себе микроскопические частицы «реагента», замыкая цепь по всему городу.

— Всё, уходим! — Савельев схватил мехвода за закрывок, выдергивая его из оцепенения. — Бросайте всё тяжелое! Оружие в сторону, оно только тянет к земле! Солдаты сбрасывали автоматы — бесполезные куски стали, которые уже начали шелушиться ржавчиной. Группа рванула назад, в сторону КПП, по колено в бурлящей рыжей жиже. Бежать было невыносимо трудно: субстрат стал вязким, он словно пытался удержать их, впиваясь в резину сапог. Сапоги химзащиты горели — агрессивная среда проедала подошвы, и каждый шаг давался с ощущением, что ты идешь по раскаленным углям.

— Не останавливаться! — орал Савельев. — Кто упадет — тот останется здесь навсегда!

Сзади раздался оглушительный грохот. Огромная рекламная конструкция, стоявшая на крыше гастронома, окончательно лишилась опор и рухнула на проспект, подняв

фонтан грязи и ржавой муки. Это было похоже на обвал в шахте. Они бежали мимо пустых оболочек машин, мимо домов, которые на глазах теряли этаж за этажом. У Громова в руках контейнер с пробами раскалился так, что даже через толстые перчатки обжигал пальцы. Реакция внутри шла с выделением колоссальной энергии. До границы зоны оставалось метров триста, когда мехвод вскрикнул и повалился вперед. Его сапог просто развалился, и парень коснулся голым коленом рыжего киселя.

— Нога! Товарищ полковник, ноги не чувствую!

Савельев и Громов подхватили его под мышки. Они не бежали — они волокли его, хрипя от напряжения. За их спинами Степногорск-16 окончательно превращался в однородное рыжее пятно на карте. Механизм заикнулся: он почуял, что пробы пытаются вынести за периметр, и пульсация в трубах под их ногами стала почти невыносимой.

— Прыгайте! — Савельев толкнул Громова и мехвода через невидимую черту, где кончался осевший асфальт и начиналась твердая степная земля.

Они рухнули на траву, задыхаясь. Сзади, в десяти шагах, ливень продолжал вбивать рыжую дрянь в руины, но здесь, за чертой, процесс словно наткнулся на невидимую стену. Савельев обернулся. Его китель висел лохмотьями, пуговицы исчезли, на руках зияли химические ожоги. Громов прижимал к груди раскаленный титановый ящик. Они взяли пробы. Они вырвались. Но когда Савельев посмотрел на свои сапоги, он увидел, что подошвы почти полностью растворены, а из-под ногтей на его руках начинают пробиваться едва заметные, тонкие, как волос, медные нити.

— Машину дегазации... — прохрипел он, теряя сознание. — Жгите нас... жгите всё...

Глава 7. Инкубационный период

Две недели спустя Савельев пришел в сознание в стерильном боксе подмосковного госпиталя спецназначения. Воздух здесь был перенасыщен озоном и хлоркой — настолько, что резало глаза. Он попытался пошевелить рукой, но почувствовал лишь глухую, ватную тяжесть.

— Не дергайтесь, полковник, — голос из динамика под потолком был сухим и бесстрастным. — У вас глубокое поражение. Мы едва успели купировать рост нитей под ногтевыми пластинами.

Савельев повернул голову. За бронированным стеклом бокса стоял человек в белом халате, поверх которого был надет тяжелый свинцовый фартук. Рядом с ним, в инвалидных креслах, сидели двое из его группы. У мехвода не было обеих ног по колено — культы были забинтованы так плотно, что напоминали коконы. Громов сидел, прижимая к себе пустой рукав халата; его правую кисть ампутировали вместе с предплечьем еще в вертолете.

Через час после пробуждения начался допрос. В бокс вошел следователь в гражданском костюме, но с выправкой кадрового офицера госбезопасности. Он не сел, а замер у изголовья кровати, включив кассетный магнитофон.

— Полковник, нам нужны детали. Без лозунгов и героизма. Что вы видели в секторе «Зеро» до того, как техника встала? — голос следователя был ровным, как гул трансформатора.

Савельев сглотнул вязкую слюну.

— Мы видели... стерильность. Оно жрет всё, что может служить ресурсом. Металл — в первую очередь, потом органику. Оно не оставляет гнили. Там нет мух, нет плесени. Этот паразит уничтожает любые бактерии, которые могут помешать ему перерабатывать материю. Это идеальный деструктор.

— Вы видели людей? — следовательно надавил на слово «людей».

— Я видел коконы, — хрипло ответил Савельев. — Оно выпивает железо из крови и кальций из костей быстрее, чем плоть успевает начать разлагаться. В автобусах остались только пустые оболочки одежды и серая масса. Никаких скелетов. Этот паразит не просто убивает, он стирает саму биологическую историю человека, превращая его в субстрат для размножения.

Следовательно выключил магнитофон и наклонился ближе.

— Поздравляю, Савельев. Москва изучила ваш ящик. Это не вирус и не оружие. Это абсолютный паразит. Его алгоритм примитивен до ужаса: жрать, заражать, размножаться. Снова жрать. Он обладает мощнейшим антибактериальным свойством — он чистит пространство под себя, чтобы ничто не мешало ему копировать свою структуру.

— И что теперь? — Савельев посмотрел на свои перебинтованные руки.

— Теперь мы запечатываем Степногорск-16 бетонным саркофагом. Но есть проблема. Тесты показали, что вы и ваша группа... вы теперь носители. В ваших телах остались микродозы этой структуры. Мы не можем вас выпустить, потому что любая капля вашего пота, попавшая на металл, запустит цикл заново в центре Москвы.

Офицер закрыл папку.

— Вы выжили, но вы теперь — часть его пищевой цепочки. Мы будем наблюдать, как быстро этот процесс поглотит ваш скелет. И, Савельев... не пытайтесь снимать повязки. Паразит очень остро реагирует на приток свежего кислорода.

Савельев закрыл глаза. В абсолютной тишине бокса он отчетливо услышал, как внутри его собственного запястья что-то тонко, по-крысиному скребется о кость. Механизм продолжал работать. Жрать. Заражать. Размножаться. Даже здесь. Даже в нем. Он знал, что их не лечат — их изучают перед тем, как окончательно утилизировать.

Глава 8. Смена декораций

Через три недели после эвакуации Савельева у КПП Степногорска-16 снова взревели двигатели. На этот раз звук был тяжелым, надрывным. На бетонку выкатились машины, обшитые листами экспериментального полимера и матовой технической керамики. Никакого железа, никакого алюминия в открытых узлах — всё, что могло стать пищей, было спрятано под слоями химически инертного пластика. Даже гусеницы тягачей заменили на композитные траки, которые глухо шлепали по асфальту.

Новая сводная группа зачистки — «Объект-90» — выглядела как десант из кошмара. Бойцы были закованы в тяжелые скафандры из многослойного фторопласта. Вместо штатных автоматов в руках они сжимали ранцевые огнеметы и плазменные резак. Подполковник Коршунов, сменивший Савельева, хмуро разглядывал панораму через визор. Он читал протоколы допросов. Он знал про «коконы» и про то, что эта дрянь — не вирус, а ненасытный паразит, который просто жрет и копирует себя.

— Дистанция — десять метров, — прохрипел Коршунов в микрофон. — Никаких контактов с поверхностью. Помните: эта тварь просто ждет свежего ресурса.

Группа пересекла черту. Ливень давно закончился, и теперь город стоял под палящим солнцем, сухой и ломкий. Без воды рыжий шлам превратился в мелкодисперсную, едкую пыль, которая толстым слоем покрывала всё вокруг. Она не светилась и не гудела — она просто лежала, как мертвая ржавчина, готовая взметнуться вверх от любого движения.

Они вошли в первый квартал, и город сразу показал, во что он превратился без присмотра. Паразит, сожрав всё доступное железо, принялся за то, что осталось. — Первый, я Десятый... — голос бойца в эфире был полон отвращения. — У нас тут находка. Район гастронома.

Коршунов подошел ближе. На месте витрин теперь зияли провалы, затянутые плотной, серой коркой, похожей на засохший клей. Паразит вытянул металл из рам, а остатки органики и пластика пережевывал в однородную массу, которой «зашпаклевал» здание изнутри. Это не было строительством — это было просто извержение переваренного мусора.

Чем дальше они входили в город, тем больше жутких находок попадалось на пути. В районе сквера деревья превратились в уродливые мумии. Паразит пропитал стволы, вытеснив древесный сок и заместив его своей структурой. Тополя стояли хрупкими, рыжими скелетами; при малейшем толчке ветки не ломались, а рассыпались в мелкую, острую крошку, похожую на толченное стекло.

— Смотрите под ноги, — скомандовал Коршунов.

На площади перед кинотеатром они наткнулись на целое поле тех самых «коконов». За две недели на жаре они окончательно окаменели. Это были пустые, минерализованные оболочки людей, намертво припаянные к асфальту рыжим субстратом. Паразит выжал из них всё — железо из гемоглобина, кальций из костей, соли из тканей. Теперь это были просто серые изваяния, которые лопались под тяжелыми сапогами скафандров с сухим, костяным хрустом.

В городе не было жизни. Не было даже мух над останками — антибактериальная природа паразита выжгла всё живое, создав мертвую, стерильную зону. Тишина стояла такая, что бойцы слышали собственное дыхание. Паразит затих, переварив всё, до чего смог дотянуться, и теперь просто ждал. Каждая пылинка, каждая рыжая чешуйка на стенах была готова вцепиться в новый источник питания.

Группа «Объект-90» продвигалась вглубь, к самому центру, оставляя за собой следы на толстом слое ржавой пыли. Коршунов чувствовал, как город наблюдает за ними тысячами пустых окон, и за каждым поворотом их ждало что-то, к чему никакие инструкции КГБ не могли их подготовить.

Глава 9. Неучтенные единицы

Группа «Объект-90» миновала остов швейной фабрики, когда статика в эфире сменилась паническим криком пилота вертолета:

— «Первый», я «Вышка»! Вижу движение! Сектор семь, здание центрального универмага! Они выходят прямо из витрин!

Из темных провалов первого этажа, ломая остатки застывшей полимерной корки, начали вываливаться фигуры. Десятки тел, шатаясь, прыгивали на асфальт. На них висели лохмотья гражданской одежды, но сама плоть была землисто-зеленого цвета, местами пробитая насквозь кристаллами оксида.

Уродство наступающих было запредельным: искаженные, побитые, дырявые тела. У кого-то не хватало челюсти, у кого-то рука была заменена на бесформенный рыжий вырост. Но самым жутким был запах. Тяжелое, удушливое химическое амбре накрыло площадь. Внутри этих существ шел непрерывный процесс — паразит перерабатывал остатки органики, и через задние отверстия кадавров с шипением вырывались облака ядовитого газа. Этот едкий «пердеж» из смеси метана и кислоты окутывал толпу желтоватым туманом.

— К бою! Огнеметы! — взревел Коршунов.

Когда до толпы осталось метров пятнадцать, кадавры внезапно замерли. Их грудные клетки конвульсивно вздулись, и из разорванных ртов в сторону бойцов полетели струи бурлящей рыжей кислоты. Паразит использовал внутреннее давление газов, чтобы прицельно плевать едким составом, прожигая даже закаленный пластик.

— Щиты! Закрыться! — заорал Коршунов, чувствуя, как брызги шипят на его визоре. Но кислота была лишь половиной беды. Анализаторы в шлемах взбесились, выдавая критический уровень биологической угрозы. Паразит, сожравший город, не уничтожил старые штаммы из лабораторий НИИ — он включил их в свой цикл. В каждой капле этого рыжего плевка, в каждом облаке газа содержались активные споры сибирской язвы и холеры. Эти древние убийцы теперь мутировали вместе с паразитом, став частью его системы защиты.

— Первый, у нас пробой фильтров у Третьего! — закричал Громов. — Биоугроза! Сибирская язва в активной фазе!

Две струи белого пламени ударили по толпе. Фосфорная смесь превратила кадавров в живые факелы, но они продолжали идти, изрыгая из себя смертоносную смесь химии и биологии. Огонь лопал их раздутые животы, и оттуда, как из перегретых котлов, вырывались новые фонтаны зараженного киселя.

— Плазмой по ногам! Рвите их! — командовал Коршунов, пятясь.

Яркие лучи резачек полоснули по первой шеренге. Кадавры падали, но их останки продолжали пузыриться, отравляя воздух вокруг. Один из уродов, превращенный в горящий обрубок, доехал до бойца и вцепился в его фторопластовое бедро, одновременно выпуская струю кислоты прямо в сочленение скафандра.

В воздухе стоял невыносимый смрад жженого пластика, кислотины и трупного яда. Паразит внутри этих оболочек создал идеальное биологическое оружие. Теперь это была не просто зачистка города — это был бой в эпицентре искусственной чумы, где каждый плевок врага означал мучительную смерть.

— Отходим к машинам! — скомандовал Коршунов. — Заливайте всё за собой фосфором! Никаких контактов!

Из универмага продолжали лезть новые единицы. Дырявые, искаженные, наполненные бурлящим химическим варевом и спорами сибирской язвы, они перли напролом, превращая площадь в одну гигантскую чашку Петри

Глава 10. Я ждал душманов, а это что?

— Штаб, ответьте Первому! Где авиация, твою мать?! — Коршунов орал в микрофон, чувствуя, как внутри скафандра становится нестерпимо жарко. Статика в эфире мешалась с его собственным тяжелым дыханием. Очередная порция рыжей кислоты с шипением ударила в керамический наплечник, оставляя дымящуюся борозду.

— «Первый», забудь про небо! — отозвался штаб сквозь треск помех. — Наверху стопор, приказы тормозят на каждом уровне. К вам идет резерв. Один Т-72 и взвод пехоты на БМП-1. Встречайте.

Коршунов замер, не веря своим ушам. В эпицентр заразы, где любой металл жил считанные минуты, прислали обычную «коробочку». Из-за угла универмага, лязгая гусеницами, выкатился Т-72. За ним, окутанные облаком пыли, неслись БМП. Это подкрепление выглядело издевательством. Пехота приехала прямо из учебки: стандартные ХБ, блестящие на солнце каски, вещмешки за спинами и обычные марлевые повязки на лицах вместо противогазов. Ребята испуганно озирались, сжимая в руках новенькие АК, не понимая, почему вокруг всё рыжее и почему люди в странных белых скафандрах яростно машут им руками, приказывая убираться.

Коршунов, понимая, что его голос из-под гермошлема наружу не пробьется, отчаянно жестикулировал, показывая командиру танка «назад». Но Т-72 уже заходил на позицию.

Командир танка, старлей со значком «За ранение» и орденой планкой на комбинезоне, высунулся из люка по пояс. У него были выцветшие глаза человека, прошедшего Панджшер и Саланг. Он видел смерть в кишлаках, видел засады, но то, что предстало перед ним сейчас, не укладывалось в боевой устав.

— Что за чертовщина... — прошептал старлей, глядя на дырявые, землисто-зеленые фигуры, которые начали отделяться от стен универмага.

Т-72 успел огрызнуться. Грохнул выстрел, фугасный снаряд разнес витрину вместе с десятком уродов, превратив их в рыжую взвесь. Второй выстрел вмял в асфальт группу кадавров, плевавших кислотой. Но на этом всё закончилось.

Землисто-зеленые твари, почуяв тонны свежей стали, запульсировали. Те, что еще не сгорели от огнеметов, начали конвульсивно извергать из себя желтоватые облака.

Гнилостный выхлоп с примесью холерных спор накрыл танк за секунды.

Внутри башни старлей вдруг почувствовал, как триплекс мгновенно затянуло рыжей пленкой.

— Механик, я ничего не вижу! Приборы матовые! — закричал он.

В следующую секунду первая струя кислоты ударила в панорамный прицел, превращая оптику в кусок плавленого стекла. Старлей нырнул в люк, захлопнув крышку, и в этот момент по броне застучали десятки тел.

Это не были удары прикладов. Это было мягкое, липкое хлюпанье. Искривленные уродцы облепили танк, как муравьи. Они прижимались к металлу, и старлей в ужасе услышал, как броня под ними начинает тонко звенеть и истончаться. Паразит, учуяв железо, активировался прямо под траками. Асфальт превращался в рыжую кашу. Двигатель Т-72 надрывно взвыл, засасывая в воздухозаборники едкую пыль со спорами сибирской язвы, захлебнулся и встал.

Из БМП посыпались солдаты. Они открыли беспорядочный огонь. Пули щелкали по окаменевшей плоти кадавров, не причиняя им вреда. Один из бойцов закричал, когда кадавр, у которого вместо лица была дымящаяся дыра, выдал струю кислоты прямо ему под каску. Парень упал, суча ногами, его кожа на глазах начала покрываться язвами холерной сыпи вперемешку с рыжими нитями паразита.

Старлей-афганец, чувствуя, как в танке становится нечем дышать из-за просачивающихся газов, снова рванул люк вверх.

— Твою же... я в Афгане душманов ждал, засады в зеленке, ПЗРК... а это что такое?!

— заорал он в пустоту, глядя, как рыжий «мох» уже ползет по его собственному рукаву.

Коршунов схватил Громова за ремень скафандра и потащил назад. Он больше не пытался ничего объяснить пехоте — это было бесполезно. Он только по рации хрипел: — Уходим! Валим отсюда по-быстрому, пока нас самих не намазали на этот асфальт! Они бежали мимо хрустящих останков деревьев, бросая технику. Позади них танк медленно оседал, буквально растворяясь в рыжем тумане. Вопли зараженного десанта и запах химической кислятины преследовали их до самой окраины. Коршунов понимал: город не просто победил подкрепление, он его съел.

Глава 11. Санитарный кордон

К вечеру остатки группы «Объект-90» выбрались к внешнему периметру. Коршунов и Громов шатались от усталости, их фторопластовые скафандры были покрыты серыми разводами и глубокими подпалинами от кислоты. Эвакуация ждала их в полукилометре от черты города, но теплого приема не последовало.

Вместо вертолета на пыльной обочине стоял одинокий ЗИЛ-131. К нему была прицеплена открытая двухосная тележка-платформа, наглухо застеленная толстым слоем технического полиэтилена. Солдаты оцепления в противогазах и с огнеметами наперевес держали выживших на мушке, не подпуская к кабине машины.

— В телегу! Оба! — рявкнул офицер связи через громкоговоритель. — Внутри не лезть, к бортам не прислоняться. Если кто спрыгнет — огонь на поражение без предупреждения.

Коршунов молча залез на платформу, помогая Громову. Он понимал: их не спасают, их изолируют как токсичный груз. Паразит мог просочиться сквозь микротрещины, и рисковать чистой техникой штаб не собирался. ЗИЛ сорвался с места, обдавая их едкой гарью, и потащил открытую платформу прочь от Степногорска-16.

Пока тележка подпрыгивала на ухабах, в штабе сектора «Зеро» подписывали пакет документов, который окончательно подвел черту под историей города.

— Ситуация вышла из-под контроля, — сухим тоном произнес генерал-лейтенант, ставя жирную подпись на приказе. — Разведка подтвердила: паразит адаптировал биологические штаммы и использует биомассу как мобильные носители. Танковая поддержка уничтожена. В городе живых нет.

Приказ был коротким: «Кольцевая полная блокада. Сектор объявляется зоной абсолютного отчуждения».

Вокруг Степногорска-16 началось экстренное перевооружение. К периметру подтягивали дивизионы тяжелой артиллерии. Вместо обычных болванок в капониры закладывали зажигательные и объемно-детонирующие боеприпасы. На прямую наводку выводили гаубицы, заряженные термитом. Инструкция для постов была предельно ясна: любая единица, движущаяся со стороны города — будь то человек, животное или техника — должна быть уничтожена на дистанции в один километр. Разрешено применять любые средства, включая химическое выжигание и вакуумные бомбы.

Коршунов смотрел назад, на удаляющийся силуэт города, над которым поднимался тяжелый рыжий туман. Он видел, как на высотах вокруг Степногорска разворачиваются стволы орудий.

— Нас не лечить везет, Громов, — хрипло произнес Коршунов в микрофон шлема, глядя на свои руки в серых пятнах. — Мы — последние свидетели. А свидетели этому городу больше не нужны. По результатам боя там живых нет. Кто выйдет — тот труп.

Город за их спиной превращался в гигантскую мишень. Москва приняла решение: если паразита нельзя выселить, его нужно похоронить вместе со всем, что он успел сожрать. Включая тех, кто не успел выйти, и тех, кто вышел слишком поздно.

Глава 12. Кольцо-89: Индустриальный молот

Небо над казахстанской степью перестало быть прозрачным. Оно превратилось в слоеный пирог из керосиновой гари, отработанных газов сотен турбин и тяжелого, пахнущего аммиаком марева. Масштаб развертывания напоминал не учения и даже не Афган — это была агония огромной военной машины, которая напоследок решила раздавить врага всей своей массой. 1989 год доживал свои последние месяцы, империя трещала по швам, но здесь, на внешнем периметру «Объекта», железная исполнительность советского строя работала на износ, подгоняемая чернобыльским фатализмом.

1. Небесный конвейер и механика падения

Воздушный мост работал без пауз. Тяжелые военно-транспортные Ил-76МД, прозванные в войсках «Тушками» или «Горбатыми», заходили на посадку плотным каскадом. Интервал между бортами сократили до критических трех минут. Пилоты, запертые в своих гермокабинах, работали в кислородных масках — не из-за высоты, а из-за страха, что мельчайшая органическая взвесь просочится через фильтры системы кондиционирования.

Колеса многотонных махин били по бетонке с такой силой, что плиты аэродрома, не рассчитанные на подобную интенсивность, лопались с сухим пушечным треском. Амортизаторы стонали, металл шасси раскалялся докрасна. Главное правило этого ада: двигатели не глушить. Турбины выли на сверхвысоких, режущих мозг нотах, выплевывая назад потоки раскаленного воздуха. Это была единственная защита — случайные споры «Объекта» должны были сгорать в пламени двигателей еще на подлете. Аппарели рушились вниз с оглушительным лязгом, выбивая искры из разбитого бетона, и из черного чрева самолетов сразу, без команд, начинала выливаться серая масса людей и техники.

Вторая волна шла на динамическое десантирование, даже не касаясь земли. На высоте трехсот метров у ведущего «Ила» медленно, как пасть чудовища, распахнулась рампа. Скрежеща стальными направляющими, из самолета вылетели две БМД-2 на платформах. Огромные многокупольные системы П-7 раскрывались в небе с хлопками, похожими на залпы тяжелых орудий. Техника грузно, со всхлипом впечатывалась в сухую землю. Амортизационные лыжи срабатывали на излом, платформы зарывались в грунт на полметра, поднимая тучи сухой рыжей пыли. Экипажи прыгали следом. Солдаты валились в колючую траву, тут же вскакивали и длинными десантными ножами яростно срезали стропы. Никто не ждал полной остановки купола — каждая секунда, проведенная неподвижно, была лишним вдохом того киселя, что висел в воздухе.

2. Гибель борта №764: Техногенный каннибализм

Трагедия произошла в прямом эфире на глазах у сотен людей. Идущий третьим в звене борт №764 накрыло внезапным боковым порывом ветра со стороны мертвого города. Самолет буквально «въехал» в плотное рыжее облако, поднятое с земли винтами предыдущих машин. Это была не пыль — это был концентрированный субстрат паразита.

Через пять секунд турбины правого крыла начали «кашлять» ярко-зеленым огнем. Титановые лопатки, рассчитанные на колоссальные нагрузки, начали пожирать сами себя. Паразит вступал в реакцию с металлом мгновенно: спецсплавы превращались в хрупкую труху. Двигатели №3 и №4 выплюнули снопы белых искр и встали с жутким скрежетом, который перекрыл гул всего аэродрома.

На глазах у наземных служб по дюралюминиевой обшивке правого борта поползла рыжая «проказа». Металл темнел, вспучивался и истончался до состояния мокрой газеты. Самолет резко завалился на крыло. Гидравлика «умерла» первой — шланги растворились, давление в системе упало в ноль, лишив пилотов возможности управлять машиной. Огромная махина, до отказа забитая боеприпасами и личным составом, ушла в неуправляемый штопор.

Из заклинившей в полупозиции рампы, как горох из рваного мешка, вылетали ящики с патронами и мешки с хлоркой. Спустя мгновение — глухой, утробный удар, который отозвался в подошвах сапог каждого, кто стоял в степи. Взрыв. Огненный столб подбросил обломки на сотню метров, но самое страшное было потом: пламя не было чистым. Его тут же начала затягивать липкая рыжая дымка, которая будто жадно поглощала тепло, превращая пожар в тлеющее, пузырящееся месиво. Офицеры РХБЗ на взлетке орали в мегафоны:

— Не смотреть! Всем занять позиции! Работаем!

Следующая «Тушка» уже шла на посадку, перелетая через горящие обломки своего собрата.

3. Людской ресурс: Братство обреченных

На земле людскую массу перемалывали жернова приказов. Здесь встретились две касты, которые советская власть использовала для самых безнадежных дел.

«Афганцы»: Гвардейцы в выцветшей до белизны «песочке», в панاماх и с закатанными рукавами. В их глазах застыла пустота Кабула и выжженная логика засад. Они только что вышли из одной мясорубки, где враг был понятен, чтобы попасть в другую, где пуля калибра 5.45 была бесполезна. Эти люди смотрели на рыжий туман с привычным прищуром. Для них это был просто очередной «дух», которого нужно было окружить и задушить, чего бы это ни стоило. Они двигались молча, экономно, с той самой профессиональной злостью, которая рождается только на войне.

«Чернобыльцы»: Ликвидаторы первой и второй волны, выдернутые спецрейсами из мирной жизни. Мужики с землистым цветом лица и тяжелыми взглядами. Те, кто в 86-м голыми руками или лопатами чистил крышу четвертого энергоблока от графита. Они молча сплевывали густую металлическую слюну и первыми, не дожидаясь команды, натягивали респираторы «Лепесток». Им не нужно было читать лекций о биологической угрозе. Они чувствовали смерть кожей. Глядя на рыжую пульсацию на горизонте, где когда-то был город, они понимали: этот «дембель» точно будет последним.

4. Промышленный ад и химическая граница

Инженерные войска превращали степь в индустриальное чистилище. Траншейные машины БТМ-3 ревели, как раненые звери, выбрасывая из-под огромных фрез трехметровые фонтаны земли. Работа шла без перекуров и сна. Солдаты в пропотевших, тяжелых прорезиненных комбинезонах ОЗК вручную таскали мешки с хлорной известью.

Белая пыль стояла столбом. Кожа под резиной прела и слезала кусками, руки были разъедены химией до мяса, но темп не снижался ни на секунду. Разгрузил — копай.

Выкопал — заливай. Трубопроводные батальоны тянули нитки прямо по голой земле, закачивая в вырытые рвы смесь отработанного мазута, солянки и дефолиантов. Это была черная, зловонная река — последняя черта, за которой не должно было остаться ничего живого или мертвого.

БТРы, прошедшие Саланг, обшарпанные и побитые осколками, пробивались к позициям через облака извести. Их тут же обступали машины РХБЗ, обливая щелочным составом из APC-14. Краска слезила лоскутами, обнажая голый, блестящий металл, который тут же начинал тускнеть под воздействием среды. Командиры огнеметных расчетов давали контрольные залпы по мазутным рвам. Вспышка — и столб жирного, коптящего черного пламени вставал стеной, отсекая степь от «Объекта».

5. Коллапс системы и белое кольцо

МВДшники на дальних кордонах, выставленных в 150 километрах от города, пребывали в состоянии тихого помешательства. Им приказали стоять насмерть, но снабдили по остаточному принципу. Молодые сержанты с ужасом наблюдали, как их новенькие желто-синие УАЗики за несколько часов покрываются странным рыжим налетом. Краска на капотах шла пузырями, а через сутки металл проедало насквозь. Они жались к бетонным будкам постов ГАИ, сжимая в руках свои бесполезные АКСУ и полосатые жезлы, пока мимо них с диким ревом проносятся колонны тяжелых огнеметных систем «Буратино». Эти огромные машины на танковом шасси шли к передовой, и от их вида веяло концом света.

В ближайших населенных пунктах царил хаос. Хотя официально о развале Союза еще не говорили, каждый чувствовал — центр больше не контролирует ситуацию. Слухи о «Второй Припяти» и «Божьем суде» распространялись быстрее лесного пожара. Люди видели в небе бесконечные вереницы Илов и зловещую рыжую стену, которая стояла на горизонте неподвижно, вопреки всякой логике ветров.

Гражданские штурмовали редкие электрички, бросая квартиры, мебель и домашних животных. Но все пути отхода уже были перерезаны. Инженерные рвы и огненные валы замкнулись. Те, кто не успел вырваться в первые часы, оказались заперты внутри «белого кольца» из хлорки и огня.

Белая пыль извести, поднятая степным ветром, смешивалась с тяжелым рыжим дымом, идущим от города. В этом химическом мареве, где день превратился в сумерки, стояли черныбыльские ликвидаторы и афганские десантники. Они молча курили одну за одной, глядя друг на друга сквозь мутные стекла противогазов. Каждый из них понимал: система выставила их сюда не для защиты, а для того, чтобы они стали последним слоем органики, который задержит паразита. Из этого кольца выхода не было — для штаба в Москве они уже стали частью статистики потерь «Объекта».

Глава 13. Точка излома

Небо над степью окончательно захлебнулось свинцовой гарью. Солнце, пробивавшееся сквозь слои керосинового выхлопа и органической взвеси, казалось тусклым медным пятакom, не дающим тепла. Врытый в промерзшую землю стальной КУНГ ЗКП «Береза» вибрировал мелкой, противной дрожью — это не прекращался гул сотен турбин заходящих на посадку «Тушек». Внутри, под низким потолком, залитым мертвенно-красным светом аварийных ламп, воздух застыл густым киселем. Здесь пахло концом света: едкой хлоркой, горелым мазутом, оружейной смазкой и тем самым

специфическим, сладковато-металлическим запахом застарелого солдатского пота, который въедается в металл навечно.

Дверь КУНГа не открылась — она влетела внутрь с мясом, выбитая мощным ударом тяжелого кованого сапога. В узком проеме, окутанный облаком белой пыли, возник полковник Бердибеков. Его фигура казалась вырубленной из грязного скального монолита. Выцветшая афганская «песочка» стояла колом, пропитанная осевшей известью и засохшей рыжей слизью. Лицо Бердибекова превратилось в серую неподвижную маску, и только левое веко билось в бешеном, рваном тике — наследие Панджшерского ущелья, проснувшееся здесь, в казахстанской степи.

Не произнеся ни слова, он прошагал к штабному столу, заваленному секретными картами Генштаба. С тяжелым, костяным грохотом полковник вывалил на гладкий пластик обгоревший, оплавленный шлем пилота одной из рухнувших машин. Внутри шлема что-то влажно чавкнуло.

— Там пусто, Костромин. Слышишь? Пусто! — голос Бердибекова хрипел, как динамик, залитый водой. — Мои разведгруппы зашли в первый сектор. Ни одного сигнала. Ни людей, ни собак, ни даже этих ваших кадавров. Только рыжий снег по колено, который шевелится сам по себе, и тишина... такая тишина, что уши лопаются изнутри. Весь город — это одна большая кормушка. Он пережевывает сам себя, Костромин. Там некого спасать и нечего изучать.

Следом в тесный отсек, едва не сбив Бердибекова, ворвался полковник медицинской службы Басов. Его вид внушал ужас: белые халаты поверх полевой формы были залиты чем-то бурым, глаза, налитые кровью, безумно блуждали по лицам присутствующих. Он схватил Бердибекова за плечо, разворачивая к себе, и зашипел, брызгая слюной прямо в лицо:

— Ты не понимаешь, Бердибеков! Я им помочь не могу! Я их режу, я вычищаю эту рыжую дрянь ведрами, а они меняются прямо под руками! У меня в лазарете пацан был... с оторванными ногами. Он встать пытался! Мясо отделяется от костей, челюсти растут в три ряда, а они... они смотрят на меня этими белыми глазами и молчат! Помощи нет! Там больше нет людей, там только инкубаторы! Они воскресают прямо под моим скальпелем, превращаясь в нечто, для чего у нас еще нет названия в учебниках! Это не болезнь, это замена вида!

В центре КУНГа, вцепившись побелевшими пальцами в край стола, стоял полковник КГБ Костромин. Перед ним, как последний оплот рушащегося мира, лежала раскрытая красная папка с золотым гербом СССР. Его лицо было бледным, почти прозрачным, но голос оставался стальным, пропитанным надменностью ведомства, которое привыкло распоряжаться жизнями росчерком пера.

— Полковник Бердибеков! Полковник Басов! — Костромин выпрямился, и в его глазах блеснул холодный огонь фанатизма. — Еще один шаг — и вы оба пойдете под трибунал за измену Родине и паникерство. Сектор С-9 — объект особой важности. Это собственность Союза! У меня прямой приказ из Москвы: архивы НИИ и спецхранилище должны быть сохранены любой ценой. Любой, кто отдаст приказ на термобарический выжиг или артиллерийский удар — государственный преступник! Отойдите от стола, пока я не вызвал группу зачистки Комитета!

Внезапно из своего угла подал голос подполковник МВД, о котором все забыли. Его трясло крупной дрожью, мундир в нескольких местах был проеден характерными рыжими дырами. Он собрал последние капли смелости и сорвался на крик, глядя прямо в холеное лицо чекиста:

— Да какая к черту Москва, Костромин?! Какой сектор?! Вы хоть в курсе, что в десяти километрах отсюда творится? У меня на дальних кордонах паника! Люди штурмуют КПП, мародеры режут друг друга за канистру солярки, чтобы просто уехать подальше! МВД брошено на убой без химзащиты, пацаны в марлевых повязкахдохнут от холеры и сибирской язвы за два часа! А вы тут свои бумажки бережете? В Степногорске-16 ад, а вы запрещаете эвакуацию в соседних районах, потому что это «нарушит секретность»? Это не порядок, Костромин! Это кровавый бардак, за который нас всех, если выживем, на фонарях развешат!

Бердибеков медленно, как тяжелое орудие на турели, повернул голову к Костромину. Тик на его лице ускорился, превратив левую половину лица в дергающуюся маску.

— Госимущество? Архивы? — Бердибеков сделал шаг вперед, и тяжесть его присутствия, казалось, вытеснила из КУНГа остатки кислорода. — У меня там два полка инженеров растворились в этой рыжей каше. Парни, которые прошли Саланг, просто исчезли, пока ты тут папки перекладывал. Твои архивы уже жрет грибница, Костромин. Там нет бумаги. Там только слизь.

Чекист дернулся к аппарату спецсвязи и одновременно его рука скользнула к кобуре на поясе:

— Встать к стене! Всем! Именем Комитета Государственной Безопасности...

Бердибеков среагировал мгновенно, с той самой звериной грацией, которой учат только в засадах под Кандагаром. Коротким, сухим выпадом он перехватил кисть Костромина, которой тот уже вцепился в трубку телефона, и с диким, рывковым усилием впечатал руку полковника в острый стальной край штабного стола.

Сухой, отчетливый хруст раздробленных костей на секунду перекрыл гул турбин снаружи. Костромин захлебнулся криком, его лицо исказилось, он начал сползать на колени. Трубка спецсвязи, вырванная с корнем, бесполезно полетела в грязь и кровь на полу.

— Твои приказы здесь больше не ходят! — прорычал Бердибеков, нависая над скулящим чекистом. Его голос вибрировал от ненависти. — Басов, готовь свои инструменты. Если эта мразь еще раз пикнет про секретность или Москву — пустишь его на запчасти прямо здесь. Без анестезии. У тебя же там дефицит лекарств? Вот и сэкономим.

Медик Басов, чья психика уже давно дала трещину в лазаретах, мгновенно оказался рядом. Он прижал Костромина к полу тяжелым коленом, придавив сломанную руку, и выставил перед глазами чекиста блестящее лезвие скальпеля.

— Ну что, «чистые руки, горячее сердце»? — прошептал Басов, и в его голосе не осталось ничего человеческого. — Теперь ты мой главный пациент. Будем делать вскрытие для науки или сразу в ров с мазутом? Выбирай быстро, у меня там в очереди еще сотня таких же, только они хотя бы не мешали мне работать.

Бердибеков перешагнул через Костромина, даже не взглянув на него, и взял тангенту рации. Он нажал на кнопку передачи, на секунду прикрыл глаза, собираясь с мыслями, и заговорил — уже не формальным языком уставов, а голосом человека, которому нечего терять.

— Внимание всем подразделениям! Говорит «Первый». Слушайте меня внимательно, мужики. Мы можем и дальше торчать здесь по уши в хлорке и ждать, пока подохнем один за другим. Можем и дальше слушать сказки от КГБ и ЦК про «секретность» и «сохранность архивов», пока эта дрянь нас переваривает. Но правда в том, что пока мы тянем время и смотрим в рот Москве, мы простодохнем ни за что. Пора с этим заканчивать.

Бердибеков перевел дыхание и уже жестко, по-командирски, отрезал:
— Всем частям и постам, находящимся в зоне поражения: немедленно отойти на безопасную дистанцию! Сверка по сетке «Буран». Отвод завершить за десять минут. Артиллерия и авиация! Начать полное, массированное огневое поражение цели. Квадрат ноль-ноль, Степногорск-16. Склады зажигательных боеприпасов — вскрыть. ЗАБ-500, термитные заряды, фосфор — использовать всё до последнего снаряда. Выжечь эту дрянь до основания. Спасать некого, пленных нет. Мы уничтожим эту заразу сегодня, или она уничтожит нас завтра. Огонь по готовности! Исполнять!

Глава 14. Огненный шторм

Небо над Степногорском-16 раскололось на тысячи стальных осколков. Звук пришел раньше, чем сами машины — тяжелый, инфразвуковой гул, от которого в КУНГах штаба подпрыгивали стаканы, а у солдат на периметре начинала идти носом кровь. 1989 год уходил в историю под аккомпанемент самой страшной симфонии XX века. По приказу Бердибекова в воздух подняли всё, что имело крылья и могло нести смерть.

1. Небесный молот: Термобар высокого полета

Первыми на эшелон вышли тяжелые Ту-22М3. Стратегические ракетноносцы шли на большой высоте, за пределами досягаемости плотного рыжего марева, которое ядовитым грибом поднималось над городом. Экипажи работали в кислородных масках, запертые в гермокабинах. Для них Степногорск-16 был лишь точкой на навигационном экране, целью, которую нужно было стереть с лица земли.

Инструкция была короткой и беспощадной: «Выжечь до скального основания. Никакого занижения высоты, беречь матчасть от органического заражения».

Из бомболожков отделились тяжелые туши ОДАБ-500П — объемно-детонирующих авиабомб. Это не просто взрывчатка, это механическая смерть. Они падали сквозь рыжий туман, не вступая с ним во взаимодействие до нужного момента. Над центральной площадью, прямо над скоплением кадавров, облепивших руины универмага, расцвели белесые, почти прозрачные облака аэрозоля. Секундная пауза, необходимая для смешивания горючего с воздухом, показалась вечностью тем, кто наблюдал за этим с периметра.

А потом степь содрогнулась. Двойной удар — сначала детонация облака, затем резкий скачок давления. Вакуумный эффект высасывал кислород из легких существ, из подвалов, из каждой щели. Пятиэтажки, уже превращенные паразитом в рыхлую труху, не падали — они схлопывались внутрь себя, превращаясь в мелкодисперсную пыль за доли секунды. Кадавры, чьи тела были переполнены газами и органическими штаммами, лопались как перезрелые плоды, испаряясь в эпицентре, где температура на мгновение скакнула до трех тысяч градусов.

2. Земной ад: Работа «Буратино»

Когда авиация расчистила небо от основной взвеси, на прямую наводку вышли тяжелые огнеметные системы ТОС-1 «Буратино». Эти чудовища на танковом шасси Т-72 выкатились на возвышенности, окутанные облаками пыли. Командиры экипажей, не снимая противогазов, ввели координаты.

— Залп! — хрипнул эфир.

Из пусковых установок с диким, рвущим барабанные перепонки скрежетом вылетели неуправляемые реактивные снаряды. В воздухе они чертили дымные инверсионные следы, вонзаясь в оседающие руины города. Термобарический заряд «Буратино» довершал то, что начала авиация. Каждый взрыв превращал квартал в огненный ад,

где пламя не гасло, а вгрызалось в землю, выжигая грибницу паразита на глубину нескольких метров. Рыжее марево над городом сменилось черным, жирным дымом горячей органики и спецсоставов.

Артиллерия добивала тех, кто пытался укрыться в промзоне. Тяжелые гаубицы «Мста-Б» работали зажигательными снарядами с термитной смесью. Белые искры термита прожигали металл брошенных машин, плавили рельсы и превращали остатки архивов в стерильный пепел. Город Степногорск-16 больше не существовал как географический объект — это была чаша кипящего пламени.

3. Последний рейс из ниоткуда

В самый разгар обстрела к внешнему КПП №4, у самого мазутного рва, на бешеной скорости подлетел облезлый, пробитый осколками УАЗ-469. Машина дымила, из-под капота вырывались языки синего пламени. Из салона буквально вывалились двое бойцов в рваных ОЗК и один гражданский.

Это был тот самый «куратор» из ЦК, который два дня назад требовал «сохранности госимущества» и рвался в спецхран НИИ. Сейчас от его лощеного вида не осталось ничего. Серый импортный костюм висел на нем грязными лохмотьями, из-под воротника рубашки на шею выползали толстые, пульсирующие рыжие нити. Его лицо было землистого, почти трупного цвета, а вместо глаз светились две мутные белые площадки без зрачков.

В руках он мертвой хваткой сжимал пустой кожаный портфель. Он не нашел архивов. Здания спецхранилища С-9 не существовало уже к его приезду — там колыхалось гигантское рыжее болото, переваривающее стальные сейфы вместе с бетонным фундаментом.

Бердибеков, приехавший на КПП для проверки оцепления, подошел к нему вплотную. Полковник даже не стал доставать пистолет — он смотрел на это существо с безгливой жалостью.

— Сектор... С-9... архивы... — прохрипел цэковец, пытаясь ползти по белой хлорной пыли. Его пальцы на глазах срастались в единую костяную пластину, кожа лопалась, выпуская наружу ядовитый, сладковатый пар. — Москва... требует... отчет...

— Москва получит отчет в виде пепла, — процедил Бердибеков, глядя, как по лицу чиновника начинают ползти рыжие споры. — Ты ничего не нашел, потому что там больше ничего нет. Там только смерть.

Полковник обернулся к дежурному лейтенанту РХБЗ, который со страхом целился в «куратора» из огнемёта.

— Этого — в лазарет к Басову. Пинком под жопу в самый дальний изолятор. И не подходить к нему без полной защиты. Если начнет меняться — жечь на месте.

Цэковца, который еще пытался что-то мычать про «связи» и «высшую меру наказания», подхватили под мышки и буквально зашвырнули в кузов дежурного ЗИЛа. Его пустой портфель, пропитанный слизью, Бердибеков лично толкнул носком сапога в горящий мазутный ров.

4. Финал в лазарете

В лазарете цэковец не прожил и сорока минут. Когда Басов, вытирая окровавленные руки о халат, подошел к его боксу, он увидел финал техногенной эволюции. Паразит, почувствовав, что носитель умирает от болевого шока и облучения, включил режим экстренной переработки.

На койке больше не было человека. Там лежала бесформенная, пульсирующая гора рыжего мяса, из которой во все стороны тянулись тонкие, как паутина, усики. Они пытались дотянуться до стен, до инструментов, до самого Басова. Степень заражения

была такой, что организм чиновника превратился в одну сплошную опухоль за считанные минуты.

Басов молча кивнул огнеметчику. Струя пламени заполнила бокс, превращая «надежду аппарата ЦК» в жирный черный дым.

А за окном продолжал гудеть Огненный шторм. Степногорск-16 исчезал. Артиллерия методично вбивала руины в землю, превращая город в плоскую, выжженную равнину, засыпанную хлоркой и пеплом. Тишина, которая должна была наступить после, обещала быть вечной.

Глава 15. Честь мундира и сломанные кости

В лазарете пахло не только хлоркой, но и паленой человечинной. Полковник КГБ Костромин сидел на табурете, вцепившись здоровой рукой в край операционного стола. Сломанная кисть, туго замотанная грязным бинтом, пульсировала тягучей, выкручивающей болью. Когда дверь бокса с грохотом распахнулась и внутрь вошел Бердибеков, чекист попытался встать, но Басов тяжелым движением придавил его за плечо обратно.

— Сидеть, «чистые руки», — прохрипел медик, не сводя взгляда с огнеметчика, который только что закончил работу в соседнем отсеке, где догорали остатки цэковца. Бердибеков подошел вплотную. На его лице не было ни капли раскаяния — только усталость и бесконечное презрение. Он схватил Костромина за загривок, как нашкодившего щенка, и одним рывком вытащил из медпункта на свежий степной воздух, где пепел от Степногорска-16 ложился на плечи серым снегом.

Полковник швырнул чекиста к борту стоящего рядом БТРа и сунул ему под нос засаленный листок бумаги и огрызок карандаша.

— Пиши, Костромин. Тщательно пиши, — Бердибеков навис над ним, закрывая собой свет от горящего горизонта. — Объяснительную на имя своего начальства. Почему не вышел на связь в контрольные сроки? Почему молчал с семи утра до десяти вечера? Костромин сплюнул кровь и зло посмотрел на десантника:

— Ты мне руку сломал, Бердибеков... Ты под трибунал пойдешь за нападение на офицера Комитета.

— Руку? — Бердибеков коротко и страшно оскалился. — Нет, Костромин. У тебя глаза на лоб не лезут от того, что ты сейчас напишешь? А придется. Пиши: на тебя напал тот самый зараженный из ЦК, который прилетел за архивами. Тот самый, который без твоего ведома прыгнул в УАЗик и пытался прорваться в С-9. Ты пытался его остановить, героически исполнял долг, вступил в рукопашную с мутантом. Отсюда и перелом. А связь... ну, аппаратуру этот же мутант и разбил в припадке.

Костромин замер. Его глаза действительно округлились, он ошарашенно переводил взгляд с Бердибекова на горящий город. Он попытался почесать затылок здоровой рукой, но наткнулся на козырек фуражки и только нелепо дернул плечом. Логика была железной и гнилой одновременно. Либо он пишет эту сказку и остается «героем», либо признает, что его, кадрового чекиста, как пацана приложил об стол армейский полковник. В КГБ за такое по головке не погладят — спишут в тираж за профнепригодность.

— А приказ? — прохрипел Костромин, глядя на зарево. — Приказ на выжиг города... Москва его не давала.

— А приказ на уничтожение ты тоже впишешь в свою бумагу, — Бердибеков наклонился к самому уху чекиста. — Напишешь, что ситуация вышла из-под контроля, что объект С-9 был полностью поглощен агрессивной биомассой и возникла угроза

глобального прорыва. И что ты, оценив обстановку и осознав безысходность, лично согласовал со мной массивный удар.

Бердибеков хлопнул Костромина по здоровому плечу так, что тот едва не взвыл:

— За это тебе еще и медальку дадут, Костромин. «За отвагу» или «За спасение погибавших». Будешь ходить героем, блестеть эмалью на приемах. Но запомни одну вещь: если я еще раз увижу твою рожу ближе, чем на сто километров от моих парней... я тебе вторую руку не ломать буду. Я тебя просто забуду в следующем городе, который мы будем жечь. И поверь, Басов даже скальпель на тебя не потратит.

Чекист долго смотрел на листок, затем, кривясь от боли, начал писать. Карандаш ломался, буквы выходили кривыми, но легенда ложилась на бумагу гладко: нападение зараженного, разбитая рация, совместное решение об огневом поражении. Костромин еще раз попытался почесать макушку, осознавая масштаб подставы, ставшей спасением.

— Свободен, — бросил полковник, когда Костромин протянул ему лист. — Иди в «телегу» к остальным. Тебя вывезут в первой группе. Подальше отсюда.

Костромин, пошатываясь, побрел к грузовикам, прижимая сломанную руку к груди. Он выжил. Он даже получит награду. Но каждый раз, когда будет нить погода, его раздробленная кисть будет напоминать ему о хрусте металла и тихом рыке Бердибекова в КУНГе «Береза».

А Степногорск-16 продолжал догорать, превращаясь в ровное, стерильное пятно на карте империи, которой оставалось жить всего пару лет.

Глава 16. Объект «X-Ray»: Взгляд из Лэнгли

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: Лэнгли, Вирджиния. Штаб-квартира ЦРУ. Зал оперативного анализа Восточного сектора.

ВРЕМЯ: Спустя 12 часов после завершения фазы термического воздействия на объект 45-72.

Воздух в аналитическом центре «Б» был пропитан озоном от непрерывной работы мейнфреймов и едким запахом пережаренного кофе. На огромном центральном экране, занимавшем всю торцевую стену, пульсировала зернистая карта центральной части СССР. В ложном цвете, наложенном цифровым процессором, сектор в степях выглядел как угольно-черная язва на теле империи.

Оперативный директор ЦРУ, положив тяжелые ладони на край стола, молча смотрел на ИК-снимки последней серии пролета спутника Keyhole-11. Аналитик Маркус, ведущий специалист по советским аномалиям, стоял у трибуны. Его лицо, осунувшееся от бессонных суток, в свете мониторов казалось мертвенно-бледным.

— Сэр, перед вами полная хронология по сектору 45-72. Мы вели этот квадрат с восьмидесяти шестого года, когда наши службы радиоперехвата зафиксировали переброску туда частей инженерных войск, ранее задействованных в ликвидации последствий на Чернобыльской АЭС. Сразу после этого спутники фоторазведки зафиксировали там аномальную активность: массовый подвоз извести эшелонами и заливку бетона в объемах, сопоставимых со строительством стратегических объектов. Мы классифицировали объект как «X-Ray». Три года он находился в стазисе. Ни радиосигналов, ни движения транспорта — полная тишина, словно город замуровали в саркофаг.

ФАЗА 1: РЫЖЕЕ МАРЕВО (ПОСЛЕДНИЕ 30 ДНЕЙ)

Маркус нажал на пульт, и на экране сменился слайд. Снимки месячной давности показывали город, над которым начал формироваться странный атмосферный фронт.

— Ситуация изменилась тридцать дней назад. Keyhole-11 начал фиксировать над объектом «X-Ray» явление, которое наши метеорологи не могут классифицировать. Это не промышленный смог и не обычная пыльная буря. Над квадратом начало скапливаться плотное рыжее марево. На ИК-снимках высокого разрешения оно давало слабую, но отчетливую тепловую пульсацию. Создавалось впечатление, что под куполом находится нечто единое и крайне активное.

С каждым витком спутника марево становилось гуще, постепенно стирая четкость очертаний наземных построек. ПВО региона было переведено Советами в режим максимальной готовности — воздушное пространство над сектором закрыли полностью. Мы могли только наблюдать сверху, как рыжая взвесь, напоминающая живой коллоидный раствор, медленно поглощает объект. За последние 48 часов перед ударом видимость поверхности упала до нуля.

ФАЗА 2: ИНЦИДЕНТ «ДНЕВНОЙ СВЕТ» (12 ЧАСОВ НАЗАД)

Аналитик переключил изображение на серию кадров, датированных сегодняшним утром.

— В 12:40 по местному времени произошла развязка. Рыжее марево над объектом внезапно потеряло объем, словно «осело», втянувшись в щели зданий и почву. В ту же секунду последовал массированный залп. Это не было обычным подавлением бунта или ликвидацией аварии. Это была тотальная стерилизация поверхности.

На экране замелькали кадры вспышек.

— Советы использовали термит и тяжелые огнеметные системы. Они накрыли сектор магниевое-алюминиевой смесью прямо при солнечном свете, не дожидаясь ночи.

Температура в эпицентре, судя по спектральному анализу, достигла трех тысяч градусов. На свежих снимках видно, что почва буквально расплавилась, превратившись в стекловидно-черный шлак. Здания НИИ и жилые кварталы аннигилированы. Степень жестокости этого удара говорит о том, что объект под маревом представлял для них экзистенциальную угрозу. Они выжигали всё: архивы, персонал, технику. Никаких следов жизни в квадрате 45-72 больше не фиксируется.

ФАЗА 3: АНОМАЛИЯ — ОБЪЕКТ «УАЗ»

Маркус увеличил фрагмент снимка, сделанного за секунды до основного удара. В углу экрана появилось зернистое изображение автомобиля, уходящего по грунтовке на север.

— Единственное, что не вписывается в картину полной ликвидации — вот эта машина. Одинокiй УАЗ-469. Он вырвался из зоны поражения буквально за мгновения до того, как артиллерия превратила город в печь. И здесь начинаются странности, которые мы не можем объяснить.

Маркус вывел на экран тепловой профиль автомобиля.

— Посмотрите на этот след. Машина светится на тепловизоре так, словно она целиком состоит из раскаленного вольфрама. Кузов раскален до критических температур, металл буквально «фонит» теплом, хотя открытого пламени нет. Мы не понимаем, что это. Это не пожар, не работа двигателя — это экзотермическая реакция непонятной природы непосредственно на поверхности кузова. Словно машина покрыта слоем какого-то катализатора, который продолжает выделять чудовищную энергию.

Он сделал паузу, перелистывая данные перехвата.

— По обрывочным данным, в этой машине находился высокопоставленный партийный чиновник. УАЗ дошел до армейского кордона, где пассажира немедленно изолировали. Позже наши датчики зафиксировали применение огнеметов в районе их полевого госпиталя. Мы понятия не имеем, что там произошло внутри этой машины и кем — или

чем — стал этот пассажир. Но тот факт, что русские немедленно применили огнеметы против своего же функционера, говорит о том, что объект в машине представлял смертельную опасность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ПЛАН ДЕЙСТВИЙ

— Сэр, мы до сих пор не знаем характера поражения. Это биологический прорыв, химический коллапс или нечто, не имеющее аналогов в истории науки? У нас ноль агентурных данных — КГБ зачистил регион с такой тщательностью, что все наши каналы замолчали. Связи нет. Мы не понимаем, от чего именно бежали русские, что именно вызвало такой нагрев металла на УАЗе и почему они пошли на уничтожение собственного секретного города. Для нас этот «светящийся» автомобиль — абсолютная загадка.

Маркус выключил указку.

— На данный момент мы рассматриваем вариант экстренной активации оперативной группы. Нам нужен человек на земле, который сможет приблизиться к трассе, где проходил этот объект, и провести хотя бы первичные замеры. Мы должны понять природу этого нагрева. Если эта дрянь способна так воздействовать на сталь и органику, нам нужно знать об этом всё до того, как Советы окончательно закроют зону «санитарным кордоном». Мы не знаем, с чем имеем дело, и это пугает больше всего. Директор ЦРУ медленно кивнул.

— Готовьте группу. Если эта чертовщина вырвалась из Степногорска, мир изменится быстрее, чем мы успеем составить отчет. Свободны.

Глава 17. Пепел и известь

Степь вокруг Степногорска-16 превратилась в зону абсолютного отчуждения.

Огненный шторм стих, оставив после себя лишь низкое, тяжелое гудение остывающего шлака и едкий, приторный запах выжженной органики. Города больше не было. На его месте зияло ровное серое пространство, заваленное слоями пепла и залитое тоннами дезинфицирующего состава.

Бердибеков стоял на броне своего БТРа, наблюдая за тем, как армия превращается в огромную клининговую машину смерти. Повсюду, насколько хватало глаз, двигались фигуры в тяжелых защитных костюмах Л-1. В свете прожекторов, пробивавшихся сквозь оседающую пыль, они казались призраками, методично зачищающими следы преступления против природы.

— Спецотряды РХБЗ, докладывайте! — голос Бердибекова в эфире звучал глухо, как из могилы.

— «Первый», говорит «Химик-3». Завершаем проливку внешнего контура. Хлорная известь уходит эшелонами, но грунт продолжает фонить биологической активностью в глубоких слоях. Рекомендуем повторный термический проход по подвальным горизонтам промзоны.

Бердибеков сплюнул густую, горькую слюну.

— Отставить повтор. Артиллерия вбила там всё в подкорку. Начинайте утилизацию техники.

Это была самая тяжелая часть «уборки». Сотни машин — грузовиков, БТРов, инженерных разграбителей — которые заходили в зону или работали на кромке рыжего марева, теперь считались «грязными». На бортах многих из них уже виднелись характерные потеки: металл словно «плакал» ржавыми слезами, разъеденный невидимым катализатором. Бердибеков решил вспомнить старый прикол американцев,

который те практиковали во Вьетнаме — тотальное выжигание всего, что нельзя забрать с собой.

— Всю «грязную» технику — в центр квадрата, — скомандовал он. — Сгоняйте БТРы, КУНГи, инженерные машины... всё, что контактировало с этой слизью. Сделаем одну общую братскую могилу из стали.

На гигантской площадке, спешно расчищенной бульдозерами прямо в эпицентре недавних ударов, выстроились ряды техники. Солдаты, молча и быстро, сливали остатки топлива прямо на землю, в заранее вырытые рвы, превращая площадку в гигантский фитиль.

К БТРу подошел подполковник-связист, один из тех «кошаков», что вечно терлись в штабе. Он выглядел пришибленным, форма висела на нем мешком.

— Товарищ полковник, разрешите доложить. Эвакуация основного состава завершена на девяносто процентов. Колонны сформированы, ГАИ обеспечили коридор до Целинограда. Первые эшелоны уже ушли.

Бердибеков едва кивнул, не сводя взгляда с черного горизонта. Следом из темноты лазарета вынырнул Басов. Медик был без маски, лицо осунулось и посерело, под глазами залегли глубокие тени.

— Те, кто был в «телеге»... мы их рассортировали, — Басов подошел вплотную к броне БТРа. — Группа «Зеро» — те, кто выжил внутри периметра и имел прямой контакт — полностью изолированы. Мы их заперли в герметичных боксах, охрана в три кольца. Остальных прогнали через пятикратную санобработку. Но я тебе честно скажу: мы не знаем, что мы ищем. Если эта дрянь умеет ждать, как споры сибирской язвы, то мы просто развозим заразу по всей стране.

— А тот, из ЦК? — спросил полковник, кивнув в сторону сгоревшего медпункта.

— Дожгли. Вместе с оборудованием, — Басов нервно дернул щекой. — Там нечего было спасать. Он перед смертью всё звал кого-то из министерства... обещал, что если «Госпиталь» не выйдет на связь через шесть часов после входа в зону — он лично полетит посмотреть на этот «безопасный реагент».

Бердибеков замер. «Безопасный реагент». Так они называли это в официальных бумагах.

— Значит, скоро прилетят проверяющие, — Бердибеков спрыгнул с брони, подняв облако белой пыли. — Мужики, слушай приказ! Сворачиваем лагерь. Всё, что не можем дезактивировать — в ров и под термит. Личные вещи, письма, дневники — сжечь. Мы выходим из этой зоны голыми.

Армия подчинилась. Костры из шинелей и вещмешков горели вдоль всей линии отхода. Солдаты стояли в одних исподних под струями ледяного антисептика, прежде чем получить новые комплекты формы из запечатанных контейнеров.

Когда последняя колонна отошла на безопасную дистанцию, Бердибеков дал отмашку авиации. Оставленные в центре выжженного города машины — сотни единиц некогда грозной техники — были накрыты финальным залпом напалмовых баков. Жидкий огонь залил стальные остовы, проникая в двигатели и кабины, выжигая саму память о том, что эти машины когда-то принадлежали людям. Напалм запечатал зону лучше любой извести.

Бердибеков последним зашел в КУНГ «Береза». Он посмотрел на штабные карты, на которых Степногорск-16 всё еще был обозначен как живой город. Взяв зажигалку, он поднес пламя к углу ватмана. Бумага занялась неохотно, но через минуту огонь уже доедал последние свидетельства существования Объекта «X-Ray».

— Нет города — нет проблемы, да, Костромин? — прошептал он в пустоту.

Колонны начали движение на север. Длинные вереницы фар разрезали ночную степь. За их спинами оставалось мертвое, стерильное пятно — черная дыра на карте великой империи, которой оставалось жить всего пару лет. Но Бердибеков чувствовал: эта тишина за спиной — лишь временная заминка перед тем, как «безопасный реагент» снова заявит о себе. В другом месте. В другое время.

Глава 18. Стерильный горизонт

Зона отчуждения разрасталась, как злокачественная опухоль, пожирая гектар за гектаром сухую степную землю. Но на этот раз границы чертили не рыжие жгуты мутации, а колючая проволока, минные поля и выжженные полосы чернозема. Секретный приказ №0014, пришедший из Москвы глубокой ночью, предписывал расширить санитарный кордон до радиуса в пятьдесят километров. Это означало приговор: в «мертвую зону» попадали не только руины Степногорска-16, но и три крупных поселка городского типа, пять совхозов и десятки малых хуторов, которые десятилетиями стояли в этих краях.

Бердибеков стоял на обочине трассы Целиноград — Степногорск, наблюдая за исходом. Это не была организованная эвакуация, о которой пишут в учебниках гражданской обороны. Это была насильственная депортация в никуда. Колонны гражданских автобусов «ПАЗ» и «Икарус», перемежаемые тяжелыми тентованными военными «Уралами», тянулись до самого горизонта. Люди прижимали к стеклам бледные лица, глядя, как мимо пролетают их дома, сады и жизни, помеченные теперь жирными красными крестами дезактиваторов.

1. Печать забвения и ярость земли

В поселках работали оперативные группы ликвидации. Они действовали быстро, методично и безжалостно, строго придерживаясь протоколов РХБЗ, написанных для условий полномасштабной ядерной войны. Сначала шла известь — белые грузовики сваливали тонны едкого порошка прямо на центральные площади, засыпали им колодцы, огороды и крыши жилых домов. Следом двигались инженерные машины разграждения (ИМР). Их стальные отвалы с хрустом ломали заборы и вминали деревянные постройки в землю, превращая уютные усадьбы в безликие холмы из битого шифера, бревен и семейных фотографий.

Но гладко было только в рапортах. В ПГТ «Светлый» вспыхнул настоящий бунт. — Товарищ полковник, в третьем секторе затор! — зашипела рация голосом ротного из группы ликвидации. — Гражданские заблокировали технику. У них там какой-то старик с ружьем и толпа с вилами. Не дают ломать правую сторону улицы!

Бердибеков швырнул окурки в пыль и прыгнул в УАЗ. Когда он прибыл на место, картина была патовая. Огромная ИМР с поднятым ковшом замерла перед крепким кирпичным домом. На крыльце стоял дед в засаленной фуражке, сжимая в руках старую двустволку. Вокруг него сгрудились мужики — озлобленные, пропахшие соляной пылью и потом.

— Не дам! — орал старик, вскидывая ружье в сторону солдат в противогазах. — Я этот дом сам строил! Бабку свою отсюда вынес, но дом не дам! Нету тут никакой заразы, глаза разуйте! Чисто тут всё!

— Отойти, дед, по-хорошему прошу! — кричал в мегафон офицер РХБЗ, пятясь от ствола. — Это приказ! Зона заражена!

Бердибеков вышел из машины, не надевая маски. Он прошел сквозь цепь солдат и встал прямо перед ИМР. Поселок «Светлый» действительно выглядел чистым, если не считать белой пыли извести, которая легла на яблони, как преждевременный снег. Но

полковник знал, что приборы в Степногорске-16 тоже долго молчали, пока рыжая дрянь не начала жрать людей изнутри.

— Дед, опусти волюну, — спокойно сказал Бердибеков. — У меня приказ сравнивать тут всё с горизонтом. Если не отойдешь — закатают вместе с крыльцом. Думаешь, я шучу? Глянь туда.

Он указал рукой в сторону Степногорска-16, над которым всё еще стоял плотный черный столб дыма от горящей техники.

— Там города больше нет. И людей нет. А вы еще живы. Хочешь подохнуть за кирпичи? Твоя бабка на станции в вагоне сидит, тебя ждет. Отойди.

Старик задрожал. Его палец судорожно дернулся на спусковом крючке, но так и не нажал. Один из мужиков в толпе вдруг сплюнул и бросил вилы в пыль:

— Да пошли вы... Убийцы! Своё же жжете!

Толпа начала расходиться под конвоем солдат. ИМП взревела двигателем, черный выхлоп ударил в небо, и стальной нож вошел в кирпичную кладку дома, как в масло. Скрежет рвущегося металла и треск лопающегося кирпича перекрыли плач женщин, которых заталкивали в последние автобусы.

2. Сортировка живых и мертвых

К вечеру эвакуация достигла своего пика. На узловых станциях людей грузили в «теплушки» — товарные вагоны, спешно оборудованные нарами. Составы уходили вглубь Союза под конвоем внутренних войск. В документах у каждого переселенца стоял один и тот же стандартный штамп: «Эвакуирован из зоны природного бедствия». Ни слова о секретном НИИ, ни слова о кадаврах, ни слова о рыжем ужасе. В глазах системы этих людей больше не существовало как личностей — они были лишь «единицами перемещаемого контингента».

Басов шел вдоль оцепления, проверяя состояние своих бойцов. Его лазарет теперь представлял собой передвижной изолятор на колесах.

— Мы создаем пустыню и называем это миром, — тихо сказал он, поравнявшись с Бердибековым. — Ты видел их глаза? Они ведь думают, что вернутся через пару месяцев за вещами. А там даже фундаментов не останется.

— Не вернутся, — отрезал Бердибеков. — Здесь не будет жизни еще лет пятьдесят. Если повезет и эта дрянь не прорастет сквозь бетонные саркофаги.

Он обернулся и посмотрел туда, где раньше был Степногорск-16. Сейчас там было только огромное, идеально ровное, серое поле, залитое антисептиком и освещенное холодными лучами прожекторов со сторожевых вышек. По периметру зоны уже начали высадку быстрорастущих тополей — они должны были стать живой стеной, скрывающей шрамы на теле земли от случайных взглядов.

3. Последний кордон и тишина

Финальный скандал произошел на выезде из зоны, когда колонна элитного совхоза «Путь Ильича» отказалась бросать племенной скот. Председатель совхоза, грузный мужчина с орденом на пиджаке, бросился под колеса БТР Бердибекова.

— Это золотой фонд республики! — орал он, брызгая слюной. — Вы что творите? Коровы здоровые! Я отчеты в Целиноград отправил!

— Басов! — крикнул Бердибеков. — Проверь стадо.

Медик подошел к ближайшей корове, которая стояла в кузове грузовика. Он внимательно осмотрел её глаза, слизистую и вдруг резко отпрянул. Под кожей животного, в районе шеи, едва заметно пульсировал характерный рыжий узел, похожий на сплетение вен.

— Заражены, — коротко бросил Басов, вытирая руки спиртом. — Всех под нож. Немедленно.

Председатель осел на землю. Через час степь огласилась ревом скота, который забивали прямо в кузовах, а затем сбрасывали в глубокие рвы, заливая напалмом и бетоном. Это был финал. Больше не было хозяйства, не было планов, не было «Пути Ильича». Остался только путь в никуда.

4. Точка невозврата

Последний грузовик с остатками имущества пересек черту кордона в 23:15. За ним с тяжелым лязгом закрылись стальные ворота, установленные на трассе. Саперы в ОЗК начали методично устанавливать минные поля на всех проселочных дорогах и тропах. Зона захлопнулась окончательно.

Бердибеков сел в свой УАЗ. В салоне стоял невыветриваемый запах хлорки, гари и старого табака. Он достал из кармана помятую пачку «Беломора», закурил, чиркнув спичкой о приборную панель. Он долго смотрел в зеркало заднего вида, как исчезают огни последнего сожженного поселка. В зеркале отражалось только багровое, зловещее зарево — вечный костер, на котором они сожгли целую область ради спасения империи.

Первая книга была закончена. Они стерли с лица земли секретный город, выжгли окрестные поселки, разогнали тысячи людей и превратили их в призраков без прошлого и будущего. Но где-то там, в глубине стерильных могильников, под метрами утрамбованной земли и извести, рыжее нечто всё еще могло ждать своего часа, пульсируя в такт сердцу планеты. Система верила, что огонь и бетон — это окончательное решение. Бердибеков, глядя на свои дрожащие руки, знал: это была лишь короткая передышка.

Колонна штаба медленно двинулась во тьму, в сторону Целинограда. За их спинами осталась мертвая зона — «Стерильный горизонт», навсегда разделивший историю этого края на «до» и «после». Степногорск-16 перестал существовать в реальности, оставшись лишь в кошмарах тех немногих, кто выжил в этой мясорубке.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ